

Царевна из сказки, отправляясь за Иваном-царевичем в дальние края, волшебным образом убирает в хрустальное ящичко леса зеленые, реки синие, поля широкие — родную землю, чтобы всегда она при себе была, чтобы можно было ею днем и ночью любоваться. Не изначальный ли образ поэзии зримо и вещно запечатлела древняя эта сказка? Но столько же стар,

на крыльцо. Понимаю, почувствую, верю, узнаю дорогое лицо! Вдруг — плоскостное, рассудочное «Рожь и васильки» (не подзабылось ли первородство-то?). Вон уже по-городскому переживает героиня за убитых на охоте бекасов, и не трогает ее простодушно-счастливый рассказ охотника («После охоты»). Вот уже написано «Утро в городе»... Ранний час,

помягче положив под изголовье». Поэзия родства душ, где величавый подвиг терпения и верности («О себе ни слова, ни полслова, только о погибших, о родных, словно ей приказано сурово жить одною памятью о них») сближает крепче, чем узы, крови: «Ты меня разбудишь, как невесту одного из дорогих сынов» («Соседка»). Поэзия народной жизни, кото-

приподняв тишину над землей» («Памятный»). В родной деревне, где «ледышка к ветке приморожена», а когда «растает снег, отхлынет лед, и ветка улыбнется молодо, так окрыленно зацветет». У родного окна, в которое заглядывает дерево и цветы льнут к подоконнику: «В них столько откровенья детского, премудрой детской простоты». Здесь «стрекочет кузне-

Рецензируем книгу

Разговор дерева с дождем

сколько и юн образ — не так ли, свертывая детские и юношеские впечатления, уходила, унося их с собой, в большие дальние города, «заволжская царевна» стихов Людмилы Калининой?

Одновременно малым — тихим, ласковым, уютным, можно рукой погладить, к сердцу прижать — и неохватно большим, словно бы даже недостижимым, в чем-то навеки утраченным, а потому погруженным в сладкий туман печали — кажется мир стихов Людмилы Калининой в ее новой книге «Улей» (Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1981). Вот «в миг смелого решения» пришла она к Волге, восхитившись неустанностью ее движения, сама захотела быть похожей на неутомимую реку («Я и сама — река»), но быстро помирилась и на «маленькой» Волге («И Волга вся как будто на ладони от Кинешмы до Жигулевских гор»). Стихотворение «Свидание с Волгой», открывающее книгу, риторично, в нем мало поэзии. Есть и еще подобные ему. Вдруг прорвется раздраженная городская скороговорка, что-то похожее на самообуздание лирической героини: «Надо, горе-душа, беспощадней быть, строже!». Уясни в самом деле» («Ночью»). Вдруг «городская» толчея слов: «Ясный свет мой, Добрыня Никитич, на земле тебе нету под стать» («Добрыня Никитич»). Вдруг — реминисценция из Блока: «Открываю скрипучие двери, выбегаю скорей

когда розовым светом заблестит, заиграет окно. Она слушает это утро, как привыкла слушать мелодичные звучные утра деревенского детства. А здесь не то: «столько криков» — это не поэзия, и «самосвалы режут» — не поэзия, и «неслуха против охоты в детский сад на руках волокут» — не поэзия. Ждет, но «все не слышится голос родной». Остается печально спросить: «Что же вы не шумите, рябины? Что птенчата молчат под листвою?» Уж не психологический ли надлом, раздвоение души, метания меж городом и селом? Нет.

Цветы на окне поливаю, Ребенка из ложки кормлю. По-новому мир понимаю, По-старому плачу, люблю. Примечательная черта современной жизни — грустить по деревенской родине, а жить в городе. Отсюда поэзия приездов и встреч, коротких трепетных пребывания в милом сердцу уголке... Поживи лирическая героиня здесь подольше, бросилось бы в глаза бездорожье, нудное однообразие сырой осени... Кто знает, что еще? Тут бы и поэзии конец. Но что гадать — будем благодарны тому, что есть. Это ведь немало — поэзия родного дома, который все нам прощает и всегда нас ждет.

Наш дом, Он знает мудрость верную, Поют ли ветры колыбельную, Гудят ли в соснах тяжело. Он истину усвоил вечную — Хранить семейное тепло. Поэзия матери — забыть ли, как устала каждому по-

рая в сокровенных глубинах своих так строга и возвышенна, что и на миг прикоснуться к святине — счастье великое:

— Головушка отчаянная, Судьбина моя нечаянная. Вот это платье —

венчалное, А это — поминальное. Подарок с ярмарки эта

шаль, Да вот каемка истлела,

жаль. — А что за свертки на дне лежат?

— А это, дочка, смертный наряд.

Наконец, то, что, может быть, больше всего удает Людмиле Калининой — «беседа дерева с дождем», то есть поэзия природы, увиденной доброй и праведной душой человека:

В доме все давным-давно уснуло,

Лишь спитца по ночам, — Хорошо ли вам Под снегом, улы?

А тепло ли, Яблони, ногам?.. Он не спит.

И мне не спится тоже. Звезды Будоражат мои сны.

Его сто забот Его моложе. И на две Войны.

Людмила Калинина лучше всего там, где она раскованнее. В лесу, где «дятел к сосне тишину прибавляет». На горе по имени Тайный бугор, где «упавшие звезды ночуют», где список в сотню имен и откуда словно смотрят вослед солдаты, «высоко

детеныш земли», приходит дождик мягкими лугами, по вечерам гаснут травы, над близкими лесами плывут неторопливо облака, и — «муза спит до утра, до восхода, до песни па- стушней» («Воспоминание»).

Обманчивый и такой радостный парадокс: малый мир Людмилы Калининой, с которым мы, кажется, уже свьжились, пока знакомились с его приметам, вдруг как-то потихоньку, незаметно раздвинулся, вырос, стал обширным — в нем так просторно, что каждому найдется место! Даже самому необъятному из того, что можно себе представить, — воображению. Оно-то и расшифровывает нам название сборника. Почему «Улей», если все так мягко, по-доброму, тихо и светло в сборнике и нет колючих конфликтов, не считая естественной ностальгии по родному дому, которую никогда уже не преодолеть? Послушаем, что по этому поводу пишет известный русский поэт Федор Сухов в предисловии к сборнику (предисловие это — как прекрасное стихотворение): «Когда зацветет ива, пробуждаются пчелы... Скромны, порой застенчиво-робки стихи Людмилы Калининой... Есть в них что-то от цветения ивы, березы, есть что-то от цветения ржи. А рожь цветет на пороге лета, предвещая радость долгожданного урожая». В названии — обещание быть.